
АРФА МИДА
ТЕНИ ФАНБИЗА
18+

Арфа Мида
Тени Фанбиза

https://litres.ru/74954709
SelfPub; 2026

Аннотация

Грань между мирами запечатана. Для людей — навсегда.

Марина отстаёт от группы в карельском лесу и выходит к ручью, которого нет на карте. Её находит не спасатель, а принц фейри, и уводит туда, где людям не место.

Домой можно вернуться только с согласия короля. А король не отдаёт того, что попало в его земли: он смотрит на неё как на новую вещь в своей коллекции и не скрывает, что платить придётся не золотом.

Кристиан встаёт между отцом и девушкой, которую сам едва не убил при первой встрече. Он обещает найти ей дорогу назад и просит только об одном: чтобы она ему верила. Но во дворце, где каждый улыбается чужими губами, обещание принца стоит ровно столько, сколько стоит его жизнь.

Грань пропустила её, хотя не должна была. И чем дольше Марина ищет путь домой, тем яснее понимает: важно не то, кто её впустил. Важно зачем.

Содержание

1 глава 4
2 глава 16
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Тени Фанбиза

1 глава

Экспедиция от университета в летние каникулы обещала быть интересной. Так я думала до того, как автобус съехал с асфальта на грунтовку и каждый толчок начал отдаваться где-то между лопатками.

За окном шёл лес. Не тот, что в парке у общежития, а настоящий, карельский: плотный, высокий, с подлеском, в котором не видно земли. Стволы стояли так близко друг к другу, что в косых лучах солнца кора на них казалась рыжей. Между деревьями мелькали плоские бока валунов, серых, обросших по краям мхом, и мох в свете заката отливал медью. Дорога вилась, автобус качался, и полосы света ползли по спинкам сидений, перечёркивая чужие затылки и рюкзаки в проходе.

Пахло горячим мотором, пылью и хвоей, которую тянуло в приоткрытые окна.

Один раз автобус осторожно переполз через деревянный мост, и под колёсами глухо застучали доски. Внизу, в тени, бежала вода, тёмная и быстрая, и на ней стояли белые хлопья пены. Я успела увидеть, как с берега сорвалась птица и полетела низко над водой, а мост кончился, и лес снова сомкнулся за окнами.

Скоро будем на месте.

Ромка Власов на заднем сиденье напевал свою уже всем надоевшую песню, в третий раз подряд одну и ту же строчку, а Варя с Наташкой подтрунивали над ним и смеялись.

— Что, Власов, других песен не знаешь? Ну невыносимо уже слушать, — хохоча, сказала Наташка и откинула со лба светлые волосы. В её смехе всегда было что-то звонкое, заразительное. Даже Ромка, ворча, не мог удержаться от улыбки.

— А что, Наташ, не нравится мой голос? Мой язык может многое, и не только петь.

— Ой, фу, хватит, давайте без этого, — сморщилась Варя и отвернулась к окну.

Лучшая подруга, она сидела рядом с Наташей и всегда морщилась, когда разговор сворачивал на флирт. Сама она терпеть не могла «эти телячьи нежности». Каштановые волосы она стянула в небрежный хвост, из которого то и дело выбивались пряди, а веснушки на носу и щеках придавали лицу озорное, почти детское выражение.

Я сидела одна, уткнувшись в книжку, и читала новую историю о любви и драконах. Фэнтези — мой любимый жанр. С книгой было проще: кто-то укрывал меня тёплым пледом и шептал, что здесь безопасно. В группе ко мне привыкли: тихоня, отличница, та, с кем не ругаются, потому что я могла дать списать или помочь с докладом.

Ромка сидел, как обычно, со своим другом Димой Сидоровым. Они смеялись, слушали музыку в одном наушнике

на двоих и подпевали так, что даже сквозь гул мотора прорывались обрывки слов. Иван Викторович не выдержал.

— Ребят, можно немного тишины? Четырнадцать часов в дороге, уже почти приехали, а от ваших песнопений голова раскалывается. Нам ещё вещи разбирать и готовиться.

Голос куратора звучал устало, но спокойно. Он сидел впереди всех, вцепившись в спинку переднего сиденья, и в его отражении в стекле было видно, как он трёт глаза.

— Хорошо, Иван Викторович, обещаем, будем тише, — пропела тоненьким голоском Наташа и пихнула ногой переднюю сидушку, как бы говоря Ромке: успокойся.

— Да, хорошо, выключаю, — недовольно простонал Рома, но я заметила, как он украдкой подмигнул Диме: мол, вот видишь, взрослые всегда всё портят.

Дима только хмыкнул. Сдержанно, без улыбки, но с тем самым понимающим блеском в глазах. Волосы у него были чёрные, коротко стриженные. Смуглая кожа на фоне серой обивки казалась почти бронзовой.

Автобус тряхнуло в последний раз, так, что все подпрыгнули, и я на секунду оторвала глаза от книги.

За окном пейзаж стал другим. Лес расступился, и перед нами открылась широкая поляна, густо заросшая высокой травой. Ветер гнал по ней волны, точно по морю, и жёлтые головки купальниц вспыхивали в этих волнах. Дальше, за живой стеной зелени, синела вода — широкая, спокойная, с лёгкой рябью, по которой скользили отражения облаков,

и облака эти были уже с золотыми, обгоревшими на закате краями. Над самой гладью взмывали стрекозы, сверкая на солнце прозрачными крыльями, и их было так много, что воздух над водой казался стеклянным.

— Смотрите, смотрите! — воскликнула Варя, прижимаясь лбом к стеклу. — Это же купальницы! Мы на лекциях про них слушали, они тут повсюду в начале лета. Вот бы собрать букетик…

— Ага, собери, только не наступай на муравейник, — буркнул Дима, но в голосе его слышался интерес. — Тут этих муравейников как камней, на каждом шагу.

— Так много? — переспросила Наташа, приподнимаясь с сиденья. — Жуть какая. Представляешь, Марина, тут всё кишит жизнью. А мы сидим и смотрим.

Я подняла глаза от книги и на секунду замерла. Над поляной стоял свет, густой, как мёд, и в нём дрожали мошки. Позади воды стена леса уходила вверх, к соснам, и оттуда, с высоты, тянуло холодом.

— Красиво, правда? — тихо сказала Варя, словно обращаясь ко мне одной. — Как будто лес дышит.

— Да… — ответила я, чувствуя, как внутри что-то дрогнуло. — Словно он нас ждёт.

— Или ждёт, когда мы наконец перестанем шуметь и дадим ему спокойно жить, — фыркнул Рома. — Особенно после моей песни.

Варя закатила глаза.

— Ты неисправим.

— Зато я мотивирую всех учиться лучше, чтобы не ездить со мной в экспедиции.

Наташа шлёпнула его по плечу.

— Хватит. Дай хоть на природу посмотреть.

Автобус остановился как раз после этих слов. Мотор заглох, и наступила тишина, такая полная, что в ней стало слышно, как в траве стрекочут кузнечики и как далеко, за деревьями, шумит вода. Иван Викторович тяжело встал.

— Приехали. На выход, вещи не забываем.

Все начали подниматься разом, загремели рюкзаками, кто-то уронил бутылку, и она покатилась по проходу. Иван Викторович вышел первым, чтобы проследить за всем. Ромка спохватился и выскочил следом, схватив рюкзак так, будто за ним гнались. Я вышла последней.

Вечер уже наступил, и усталость накатывала волнами, но воздух был такой свежий, что хотелось просто стоять и дышать. Он пах хвоей, влажной землёй и ещё чем-то неуловимо летним: то ли нагретыми листьями, то ли цветущей малиной. Летний ветер шевелил мои длинные русые волосы, выбившиеся из косы.

Я отошла к краю поляны и посмотрела на воду. Вблизи она оказалась не синей, а тёмной, с зелёным отливом, и на мелководье просвечивало дно: песок, редкие камни, длинные стебли, которые шевелились, хотя ветра не было. Над гладью висели стрекозы, и от их крыльев по воде расходи-

лись тонкие круги, один за другим.

Я дождалась, когда все заберут сумки, и взяла свою.

Домики стояли дальше, чем остановился автобус. По каменистой тонкой тропинке пришлось идти друг за другом. Солнце уже садилось за верхушки сосен, и небо над ними было бледно-оранжевым, как внутренняя сторона раковины. Тропинка петляла между валунами, поросшими мхом. Некоторые камни были такими гладкими, что на них собирались капли росы, и в косых лучах заката они вспыхивали. Где-то в стороне, за деревьями, слышался тихий рокот. Тот самый водопад, о котором говорили в университете. Он не кричал, а шептал, и этот шёпот смешивался с криками птиц, готовившихся ко сну.

— Слышите? — остановился Дима, подняв руку. — Это ж не просто ручей. Это голос места.

— Ты поэт, что ли? — фыркнул Рома, но без злости, скорее с любопытством. — Мне кажется, это просто вода падает.

— Нет, ты послушай, — настаивал Дима. — Тут своя музыка. И она не про нас.

Варя улыбнулась так, как улыбаются, когда наконец слышат то, чего ждали.

— Если тут такая музыка, то пусть она хотя бы не поёт твои песни, — хихикнула Наташа.

Рома сделал вид, что смертельно оскорблён.

— Это ранит моё творческое эго.

— Твоё эго переживёт, — спокойно сказала Варя и пошла вперёд, ловко переступая через корни.

— Эй, подожди! — Наташа рванула за ней и чуть не споткнулась о выступающий корень. — Тут вообще хоть тропинка есть, или мы по лесу наугад идём?

— Есть, просто она узкая, — бросила через плечо Варя. — И не беги, а то в муравейник влетишь.

— Вот этого я и боюсь, — буркнула Наташа, замедляясь и осторожно ставя ногу. — Тут каждый камень как ловушка.

— Главное, чтобы рюкзак не цеплялся, — хмыкнул Дима, поправляя лямки. — А то застрянем тут до темноты.

— До темноты ещё далеко, — сказал Иван Викторович, оглядываясь. — Но темп держите, не растягивайтесь.

Тропинка вывела нас к ручью, который бежал из-под камней. Через него были положены две мокрые доски, и Варя прошла первой, раскинув руки, а Наташа за ней ступала медленно, глядя под ноги и вцепившись в лямку рюкзака. Вода под досками была ледяной, холод пробирал даже сквозь подошвы.

За ручьём лес стал ниже, светлее, и в прорехах между соснами уже показывались крыши.

Домики были небольшими, тёмное дерево, низкие крыши. Нам достался один, две комнаты, санузел с душем и кухня, совмещённая с гостиной.

Иван Викторович зашёл первым, у него был ключ. Повернувшись к нам, он проговорил громко и чётко, особенно для

Ромы и Наташи:

— Так. Располагаемся. Одна комната для девочек, я специально просил три раздельные кровати. Вторая для мальчиков. Я на диване. Завтра утром встаём, завтракаем и идём в первый поход. С нами будет человек, который знает местность. Карелия — не Подмосковье, тут в трёх шагах заблудиться можно. Так что собирайте в рюкзаки всё необходимое, отдыхайте. И поесть обязательно. Хорошо, что тут есть посуда и электричество.

Я осматривалась и слушала. Внутри пахло старым деревом, пылью и чем-то кислым, как от выключенного на зиму холодильника. На кухне стоял большой стол, за которым мы все могли поместиться. Широкие окна с голубыми занавесками, диван, журнальный столик, небольшой шкаф и две двери в комнаты.

Мы двинулись по комнатам. Первая, для мальчиков: один небольшой шкаф и две кровати.

— Нет, ну а что, нам много не надо. Всё необходимое есть, — проговорил Рома.

Дима огляделся и хмыкнул.

— Главное, чтобы ты ночью не решил спеть колыбельную.

— Эй, я пою только в хорошем настроении!

— Значит, ночью будешь молчать, — серьёзно кивнул Дима.

Мы с девочками развернулись и пошли к другой комнате, рядом. Наташа осталась стоять возле Ромы и что-то шепнула

ему на ухо. Он покраснел и тут же сделал вид, что ничего не произошло. Мы с Варей не слушали, зашли и закрыли дверь.

Комната была такой же простой: три кровати и два шкафа. Я двинулась к кровати у окна.

Когда я села, зашла Наташа и легла рядом с Варей, их кровати стояли одна за другой.

— Только ноги свои убирай, я не хочу их нюхать по ночам, — смеясь, говорила Наташа.

Варя толкнула её в плечо.

— Ну ты и дура, — в шутку сказала она.

Я разбирала вещи и укладывала в рюкзак всё для завтрашнего похода: сменные носки, бельё, одежду, аптечку, еду для перекуса, бутылки воды. Мало ли, всё может пригодиться, особенно если упасть в воду или в грязь. Книги и лишние вещи пришлось выложить. Ничего, мы уйдём ненадолго.

Я встала, подошла к шкафу и начала раскладывать по полкам оставшееся. Девочки переговаривались за спиной.

— Марин, ты в душ пойдёшь? — спросила Наташа. — Если что, я первая. Ужасно вспотела в этом вонючем автобусе, хочу смыть с себя всю грязь.

— Да, согласна, я после тебя, — подхватила Варя. — Тоже уже не могу.

— Конечно, девочки, я подожду, — ответила я и села обратно на кровать.

Я решила немного вздремнуть и от усталости провалилась в сон сразу, как в воду. Проснулась, когда зашла Варя с по-

лотенцем в руке.

— Просыпайся, соня, душ свободен. Парни пойдут после тебя.

Она улыбнулась, и я подумала, что с ней можно было бы подружиться по-настоящему, если бы я научилась не прятаться за книгами.

Я медленно поднялась, взяла полотенце, чистую одежду и побрела в душ. Ванная была обычной: кабина, раковина с зеркалом, туалет. Всё как дома. Но когда я включила воду, из крана сначала полилась ржавая струйка, и только через минуту пошла чистая. Это напомнило детский дом, где иногда случались перебои с водой, и я невольно вздрогнула.

Помывшись, я быстро переоделась, причесалась и вышла. Все уже сидели за столом. Иван Викторович кивнул мне:

— Садись, Марина, нужно поесть и ложиться. Завтра ранний подъём.

— Конечно, только вещи отнесу и приду, — ответила я.

Сев за стол, я удивилась, как все притихли: только Наташа с Варей перешёптывались и хихикали. На столе стояла тарелка с картошкой и сосисками. Иван Викторович молодец: пока мы отдыхали и мылись, он приготовил на всех.

— Спасибо, Иван Викторович, вы хорошо постарались, — сказала я с улыбкой.

Остальные подхватили:

— Да, спасибо.

— Не за что, ребята. Завтра трудный первый день, — он

улыбнулся и слегка покраснел: похвала его всегда смущала.

После еды я вызвалась помыть посуду: остальным нужно было тоже привести себя в порядок. Девчонки вышли на крылечко, отойдя подальше, наверное, чтобы покурить. Я слышала их приглушённые голоса и смех сквозь приоткрытую дверь, а над ними, в бледном свете, шумел водопад.

Когда посуда была вымыта, я вышла на крыльцо. Над крышами стояло светлое, так и не потемневшее небо, и редкие звёзды в нём были видны все до одной, как в городе не увидишь. Над лесом висела бледная полоса зари. Пахло дымом от чьей-то печи ниже по склону и остывающей землёй. За деревьями шумел водопад, и от его шума лес казался больше, чем днём.

Я постояла, пока не замёрзли руки, и ушла в дом.

В комнате девушки уже нырнули в кровати и развернулись к стенке. Нужно отдохнуть, завтра тяжёлый день, но очень хотелось почитать. Я включила ночник над кроватью, всегда вожу его с собой.

Открыв книжку, которую не успела дочитать в автобусе, я быстро погрузилась в мир волшебства. В ней было всё, о чём я мечтала: магия, драконы и храбрый мужчина, который всегда придёт на помощь своей возлюбленной. Да уж, в свои девятнадцать лет у меня так и не было отношений. Всё моё время занимала учёба, чтобы жить так, как я хотела.

За окном было серо, и в этой серости шумел водопад. На полу лежало светлое пятно, и в нём стояла ножка стула и ле-

жал край половика. Время пролетело быстрее, чем я думала. Я посмотрела на телефон и ахнула: три часа ночи. Как я могла забыться? Вставать через четыре.

Я поспешно закрыла книгу, выключила ночник и улеглась.

— Надо постараться уснуть, — прошептала я сама себе и закрыла глаза. И очень быстро уснула.

Но перед тем, как окончательно отключиться, я услышала тихий скрип половиц в коридоре, кто-то прошёл мимо двери. Я замерла, прислушиваясь. Тишина. Наверное, это старый дом вздыхал под тяжестью ночи. Или кто-то из ребят не мог уснуть.

Я постаралась отогнать тревожные мысли и прижалась щекой к прохладной подушке.

2 глава

Я открыла глаза и проморгалась.

Небо надо мной было синим до черноты и всё в звёздах, таких близких, что казалось, протяни руку и зачерпнёшь. Я лежала на траве. Трава была холодная от росы и пахла клевером, привядшим за день.

Я села. Под ладонями хрустнуло, к пальцам прилипли сухие былинки.

Что это? Как я здесь оказалась?

Поляна вокруг лежала широкая, трава стояла по пояс, и в лунном свете она отливала сизым. Тени от кустов вытянулись и почернели, как провалы. Я встала и увидела далеко впереди огонь: маленькое неровное пятно, живое, оно подрагивало и мигало между стволами.

Пахло мокрой травой и остывающим теплом. Кузнечики молчали, и в этой тишине было слышно, как далеко, за деревьями, потрескивает огонь. Я поёжилась: ночь стояла тёплая, а от земли тянуло холодом.

Я пошла к нему.

Шла медленно, пригибаясь и ставя ногу с носка, чтобы не хрустнула ветка. Деревья стояли плотно, стволы чернели, и между ними висел туман, низкий, по колено. Он холодил щиколотки и прятал землю, так что каждый шаг приходилось нащупывать.

У костра сидели трое: двое мужчин и женщина. Я прижалась к стволу, широкому, в седых прядях лишайника, и стала смотреть.

Они были крупнее обычных людей. Лица резкие, длинные, а уши острые и вытянутые вверх, и это было видно даже в темноте. Они смеялись и пели на незнакомом языке; слова падали и звенели, как бусины по камню. Лошади стояли в тени, опустив головы, и одна переступала с ноги на ногу, тихо позвякивая сбруей. Пахло дымом, кожей и лошадьми. Женщина сидела ближе всех ко мне, и я разглядела рыжие кудри, перехваченные лентой, и тонкие браслеты на запястьях, которые ловили свет огня. У каждого на поясе висело оружие: клинки, меч, а у девушки за спиной лук.

— Чёрт, — прошептала я. — Куда меня занесло? Кто они?

Я хотела подойти ближе, к следующему дереву, и сделала шаг.

Ветка под ногой хрустнула.

— Нет, — выдохнула я и прижала ладонь ко рту.

Песня оборвалась на полуслове. Я вжалась спиной в кору и перестала дышать. Сердце билось так, что, казалось, его слышно на всей поляне.

Туман по краю поляны поднялся выше. Воздух стал гуще, в нём горчила сырая кора и прелая листва.

Я убрала руку от лица. Прошло, наверное, несколько секунд. Я решила выглянуть.

И, повернув голову, встретила взгляд.

Один из тех, кто сидел у огня, стоял в шаге от меня. Высокий, широкий в плечах, руки сложены на груди. Светлые волосы, длинные, ниже плеч, стянуты сзади тонким блестящим ремешком; передние пряди падали на лицо, и в них плясал свет костра. Он смотрел на меня и не двигался.

Взгляд у него был злой, но в нём жило любопытство. Так смотрит хищник: нападать или подождать.

Огонь за его спиной щёлкнул и просел. Женщина у костра повернула голову, блеснули её глаза. Лошади перестали переступать.

Он молчал. Стоял и смотрел, и от этого взгляда у меня свело скулы. Я хотела отступить, но ноги не слушались.

— Кто ты и что тут делаешь? — спросил он.

Голос был жёсткий и в то же время глубокий.

Я открыла рот. В горле пересохло, и вместо ответа вышло только:

— Я…

И мир погас.

* * *

Я проснулась в холодном поту и села на кровати так резко, что пружины скрипнули.

Сердце колотилось. Что это было? Сон? Но я всё ещё чувствовала запахи ночного леса, прохладу земли, ветер в волосах и даже сухую былинку, которая впивалась в ладонь. Слишком много для сна.

Я схватилась за виски и заставила себя дышать.

На экране телефона без двадцати семь. Пора вставать. Я легла обратно, чтобы отдышаться. Это всего лишь сон.

Потом села и опустила ноги на пол.

И остановилась.

Ноги были грязными. Кожа в тёмных разводах, между пальцами застряли травинки и сухие кусочки мха, а на пятке темнела маленькая царапина, тонкая и аккуратная, как от колючки.

— Нет, — прошептала я. — Этого не может быть.

Варя что-то проворчала во сне. Я не стала её будить: взяла носки, полотенце, зубную щётку и выскользнула за дверь.

В доме было тихо. Все спали, кроме Ивана Викторовича: он стоял у плиты спиной ко мне, и от сковороды шёл пар. По комнате плыл запах жареного лука и яиц, а от чайника тянуло кофе. В окна било солнце, и на полу лежали длинные светлые полосы. Пол был холодный, я шла по нему, поджимая пальцы. За стеклом блестела трава: роса ещё не сошла.

Я прошла на цыпочках в ванную и закрыла за собой дверь.

Вода ударила по щиколоткам, смывая с кожи серую грязь. Я умылась и посмотрела в зеркало. В нём стояла напуганная девушка с синяками под глазами. В зелёных глазах не было привычного спокойствия. Русый хвост лежал на плече тяжёлым шёлковым жгутом.

— Это всё сон, — сказала я себе. — Нужно меньше читать сказки.

И резко убрала волосы за спину, сбрасывая с себя что-то

липкое.

Когда я вышла, Иван Викторович уже заметил меня.

— Доброе утро, Марина. Раньше всех встала, молодец. Разбуди остальных и зови завтракать: через час выходим. А я подниму Рому и Диму.

— Доброе утро. Да, пойду.

В комнате все ещё спали. Я тронула Наташу за плечо.

— Наташа, пора.

Она зарылась лицом в одеяло.

— Ещё минутку.

Я отдёрнула штору, и Варя сразу перевернулась на живот, уткнувшись в подушку.

— Вставайте, а то не будет времени ни собраться, ни поесть.

Наташа что-то пробурчала, но вылезла из-под одеяла, встала и, подойдя к Варе, схватила её подушку.

— Вставай, соня!

— Да ладно, ладно! — Варя села, моргая. — Только не бей!

— А то опять проспишь весь поход и будешь жаловаться, что ничего не видела.

— Ничего я не буду, — Варя уже улыбалась. — Просто люблю поспать. Это не преступление.

— Ты чего вскочила ни свет ни заря? — Варя зевнула. — Кошмар приснился?

— Что-то вроде, — сказала я. — Уже не помню.

Врать было неприятно, но и рассказывать про грязь на ногах я не собиралась.

Я быстро переоделась: белая спортивная футболка, светло-серые лосины, кепка. Пока я застёгивала молнию на рюкзаке, пальцы дрожали, и я мысленно ругнула себя за эту дрожь. Не время.

У шкафа было зеркало на дверце, небольшое, в простой деревянной раме. Я провела ладонью по хвосту, проверяя, не выбились ли пряди, и на секунду встретилась взглядом со своими зелёными глазами. Паники в них уже не было.

«Ты просто идёшь в обычный поход», — сказала я себе. Слова прозвучали твёрже, чем я ожидала.

Парни уже сидели за столом, куратор раскладывал по тарелкам завтрак.

— Всем доброе утро! — сказала я. — Давайте помогу с чаем.

Я встала рядом с Иваном Викторовичем и разлила по кружкам чай и кофе. К тому моменту, как всё было готово, вышли девочки. На этот раз была яичница и всё те же обжаренные сосиски.

Поев, мы поблагодарили куратора. Я снова предложила помочь с уборкой, пока остальные собирались.

Ровно в восемь, как и было обещано, пришёл проводник. Он вошёл, не постучав, осмотрелся и поздоровался.

— Здравствуйте! — Иван Викторович подошёл и протянул руку.

Старик посмотрел на его ладонь, потом пожал.

— Вы, наверное, Михаил Петрович, наш проводник?

— Да, я. Где остальные? Сказали, вас шестеро.

Голос у него был грубый и недовольный. Его подняли в такую рань и попросили вести кого-то в лес, и он не считал нужным это скрывать.

— Сейчас выйдут, почти все готовы, — ответил куратор с улыбкой.

Остальные и правда вышли и поздоровались. Старик вышел на крыльцо. Мы переглянулись и пошли следом.

— Ну что, все готовы? Ничего не забыли?

— Нет, взяли всё необходимое, — ответил Иван Викторович.

Мы шли долго по каменистым тропам в сторону густого леса. На траве ещё держалась роса, а солнце уже пекло. Я надвинула кепку пониже, чтобы не щуриться.

Лес принял нас сразу, как только тропа свернула под кроны: стало темнее и тише, воздух сменился, стал сырым и кисловатым. Михаил Петрович шёл впереди и ни разу не обернулся.

— Держитесь ближе, — бросил он через плечо. — Тут ямы под листвой, а кому охота тащить кого-то на себе.

— Мы постараемся, — отозвался Иван Викторович.

Ромка показал его спине язык и что-то шепнул Наташе. Она фыркнула.

Наташа с Ромкой о чём-то болтали и смеялись. Рядом шли

Варя и Дима и спорили, кто быстрее добежит до следующей скалы.

— Ты серьёзно? — смеялась Варя. — Ты и по ровной дороге спотыкаешься, а тут камни и корни.

— Спорим, добегу первым?

— Не-а. Ты проиграешь и потом будешь ныть, что колено болит.

Дима театрально схватился за сердце.

— Ты разбиваешь мне душу, Варя!

Иван Викторович и Михаил Петрович шли впереди. Старик больше бухтел, чем говорил.

Я шла позади всех и всё думала о своём сне.

— Марина, ты там идёшь или нет? — крикнула Варя.

Я подняла голову. Я отстала шагов на десять, и лес между нами уже стоял плотно: стволы, папоротники, туман.

— Да, иду, я вас вижу, — ответила я.

Они пошли дальше. Я тоже пошла, но медленно, разглядывая всё вокруг.

Я никогда не была в таком лесу. Только на картинках и в кино видела, где деревья почему-то стоят редко и аккуратно, как в парке. Здесь всё было иначе. Сосны уходили вверх, прямые, высокие, и стволы терялись в синеве; между ними росли папоротники, огромные, с листьями, похожими на зелёные перья. На камнях, обросших мхом, лежали тёплые пятна света. Птицы перекликались высоко в ветвях, а в траве кто-то стрекотал, перебирая крошечные струны.

Воздух был холодный и чистый. Хорошо было до неприличия.

Я остановилась, чтобы посмотреть вверх, и не заметила корень.

Нога зацепилась, меня повело вперёд, и я упала на ладони, ободрав колено о камень.

— Чёрт!

Боль была злой и горячей. Я села, отряхнула ладони и посмотрела на колено: кожа содрана, кровь выступила мелкими каплями. Заживёт.

Я встала.

Никого.

Тропа была, но пустая, и лес вокруг стоял одинаковый во все стороны. Я прислушалась: далеко за стволами ещё слышался смех, но он то поднимался, то уходил, и я не могла понять, с какой стороны он идёт.

Лес был красивый и совершенно равнодушный: высокие сосны, сухая хвоя под ногами, поваленное дерево в двух шагах, обросшее мхом по всей длине. Я обошла его и увидела, что тропа раздваивается, и обе ветки выглядят одинаково.

Я выбрала ту, что пошире, и пошла быстрее.

Сначала я шла уверенно. Потом начала оглядываться: стволы вокруг были похожи один на другой, и я уже не понимала, ту ли ветку выбрала.

Туман сгустился. В нём проступали силуэты: то ли ветви, то ли тени, то ли что-то, что двигалось чуть быстрее ветра.

Я моргала, и они пропадали.

Кричать я не стала. Иван Викторович говорил, что в лесу нельзя: можно привлечь зверя.

Через минуту я их не догнала. Через десять тоже.

Туман поднимался от земли. Он не был густым, как молоко, но тропу съел: я видела только размытые стволы впереди и корни под ногами. Смех и голоса удалились, потом пропали.

Я шла и шла.

Ноги начали ныть. Я посмотрела наверх и поняла, что солнце уже не висит в кронах, а ушло за них. Лес посерел, тени вытянулись и слились в одну.

— Не может быть, что я пошла назад, — прошептала я. — Сколько я уже иду?

Стало прохладно и сыро. Я прислонилась спиной к стволу, присела на землю, достала воду и отпила. Потом вспомнила про ветровку, натянула её и сразу почувствовала себя лучше.

Я встала и сделала два шага.

Вой пришёл из-за спины.

Он прокатился по лесу, низкий, длинный, и от него волосы на руках встали дыбом. Я не стала думать. Я побежала.

Страх гнал лучше всякой усталости. Я неслась вниз по склону, перескакивая через корни, и слышала собственное дыхание, хриплое, как у загнанной собаки.

Ветки хлестали по лицу, корни бросались под ноги, туман сжимался вокруг, и в нём не было ничего, кроме серого. Я

бежала, пока не кончился воздух.

Остановилась, упёрлась ладонями в колени и достала телефон.

Восемь вечера. Сети нет.

Я убрала телефон и пошла дальше, глядя под ноги и выбирая, куда ступить, чтобы не упасть и не шуметь.

Слабость накатила так, что я села на землю. К горлу подкатил ком, и меня мутило, как в детстве на каруселях, когда слишком долго крутишься и не можешь остановиться.

— Что… происходит? — выговорила я. — Почему так тяжело дышать?

Я заставила себя вдохнуть глубоко, до боли в рёбрах, и медленно выдохнуть.

Стало чуть легче. Я открыла глаза.

Это был не тот лес.

Он тоже был лесом, но другим: трава зеленее, деревья выше и толще, и где-то рядом журчала вода. Туман здесь был не серый, а перламутровый, он стекал по стволам, как жидкий лунный свет, и от него всё вокруг казалось ближе, чем было.

Здесь пахло иначе: не хвоей и прелой листвой, а чем-то сладким, и от этого запаха слегка кружилась голова. В траве мерцали мелкие голубоватые точки, и я не сразу поняла, что это светляки.

Я встала и пошла на звук воды.

Ручей оказался чистым до невероятия: сквозь воду виднелись мелкие камешки на дне, гладкие и округлые. Я опу-

стилась на колени и умылась. Вода была ледяной, и сразу полегчало.

Я просидела у ручья минут тридцать, приходя в себя. Потом поняла, что надо искать ночлег: ночью по лесу ходить нельзя.

Я встала и повернулась.

В темноте между деревьями горели глаза. Несколько пар. Они светились ровно, как маленькие луны, и были высоко от земли.

Сначала я решила, что это звери. Потом разглядела силуэты: они были человеческие и слишком высокие.

Я попятилась и едва не оступилась в воду.

Они подходили.

Я пыталась разглядеть лица и не могла: они были выше, чем следовало, а между ними и мной висел туман. Глаза гасли и зажигались снова, и я поняла, что они моргают.

Я попятилась ещё на шаг. Вода шумела за спиной, холодя лодыжки.

Первый вышел на свет. Высокий, в белой рубашке, расстёгнутой на несколько пуговиц, в чёрных брюках и высоких сапогах. На поясе меч с рукоятью, украшенной резьбой, похожей на сплетённые корни. Светлые волосы ниже плеч убраны в хвост, передние пряди падали на лоб неровными волнами. Глаза светились голубым, ровный холодный огонь изнутри. Он улыбался, и я увидела клыки, чуть более острые, чем у людей. Руки сложены на груди, но поза не была

расслабленной: в ней жила готовность к рывку.

От его красоты становилось не по себе: слишком правильные черты и слишком много силы в каждом движении. И глаза, в которых не было ни жара, ни любопытства. Только холод. Так смотрят на чужое, что случайно оказалось в доме.

За ним вышел второй. Черноволосый, в чёрной рубашке, с заострёнными ушами, выглядывавшими из-под прядей, и радужкой такой яркой, что казалось, в неё капнули расплавленного серебра.

Листья на кустах рядом съёжились, хотя ночь была тёплая.

Я хотела попятиться, но тот, что был ближе, уже держал меня за плечи. Пальцы впились в ткань куртки, а через неё в кожу, жёстко, без всякой попытки быть бережным. В этой хватке была сила, которой хватило бы, чтобы сломать кость одним движением.

Он заговорил, и голос пошёл из глубины груди, тяжёлый и гулкий:

— Кто ты? Что забыла в наших краях и как попала сюда?

Куда сюда? Я не задала вопрос вслух. Мир вокруг замер: ветер перестал шелестеть, и только далеко, почти на границе слуха, щёлкал сверчок.

Он тряхнул меня, как тряпичную куклу.

— Я ещё раз спрашиваю: кто ты?

Он смотрел на меня сверху вниз. Даже с моими ста семьюдесятью он был выше на полторы головы, и его тень накрыла меня целиком.

— Меня зовут Марина, — выговорила я. — Я отбилась от группы и заблудилась. Мы шли в поход.

Он улыбнулся, и хватка не ослабла ни на йоту. Он придвинулся так близко, что я почувствовала его дыхание, горячее, обжигающее. Наклонил голову и вдохнул медленно, пробуя воздух на вкус.

— Ммм… человек. Как необычно для наших краёв. Это интересно.

В ушах стучало.

— Чел… Человек? — заикаясь, проговорила я. — А вы тогда кто?

За спиной у него раздался смешок, короткий и сухой, как треск ломающейся ветки.

— Смелая? Или глупая? — сказал второй, и в его ухмылке было столько презрения, что она обожгла сильнее пощёчины.

Второй подошёл и встал рядом. Он был ниже, но в нём жила своя быстрота, злая и короткая, как лезвие.

— Слушайте, я не знаю, кто вы, — сказала я на одном дыхании. — Я потерялась. Либо помогите, либо оставьте меня в покое.

Стало тихо. Так тихо, что я услышала, как у меня стучат зубы. Где-то у самого дальнего дерева качнулась ветка, хотя ветра не было.

Светловолосый потянул меня к себе, и я оказалась ближе ко второму. Тот смотрел не мигая, как на диковинное насе-

комое, которое само заползло ему на ладонь.

Я упёрлась ладонями ему в грудь, и его пальцы впились в мои плечи острой болью.

— Что вам надо? Отпустите меня сейчас же! — крикнула я.

Голос сорвался и полетел по лесу. Где-то в глубине чащи испуганно вскрикнула птица. Я вздрогнула от собственного крика.

Черноволосый шагнул вперёд, и в его глазах мелькнуло предвкушение, а не злость: он ждал именно этого.

— Не смей повышать голос, женщина, особенно на Кристиана, принца этих земель, — сказал он, и каждое слово упало тяжело и точно.

Принц. Земель.

Я стояла посреди ночного леса, в куртке, купленной в торговом центре, с телефоном без сети в кармане, и смотрела на принца чужого мира, который держал меня за плечо так, что под его пальцами ныла кожа.

Земля качнулась, и на секунду мне показалось, что я стою не на лесной подстилке, а на палубе в шторм.

Кристиан не сводил с меня взгляда. Мне казалось, он видит не только лицо, но и мысли, и страхи, и те сны, которые я забываю к утру. Он чуть наклонил голову, вслушиваясь в то, что стояло за словами: в моё сердце, в шум крови, в то, как дрожат ресницы.

— Ты человек, — сказал он тихо, пробуя понятие на вкус.

— Ты пахнешь иначе. Не как лес. Не как ветер. Не как дождь. Ты пахнешь… городом.

Я хотела ответить, что это шампунь, крем, что-то ещё, что делает нас всех одинаковыми, но язык прилип к нёбу.

— Я не хотела… — начала я. — Я просто шла. Я искала своих.

Второй склонил голову набок и усмехнулся, обнажив ровные зубы, чуть длиннее человеческих.

— Искала… А лес слушал. И, кажется, ответил, — сказал он спокойно, как о погоде.

Он подошёл ближе, но не угрожающе, осторожно, как подходят к раненому зверю. И протянул руку не ко мне, а к воздуху рядом со мной, ощупывая невидимые нити между деревьями. Пальцы замерли в сантиметре от моей щеки, и по коже пробежал холодок.

— В тебе есть след, — сказал он тише, почти шёпотом. — Тонкий, едва заметный. Как царапина на стекле.

— След чего?

— Пути, — ответил он. — Кто-то когда-то ходил между мирами. И этот путь оставил на тебе метку. Ты её не видишь, но лес видит. И мы видим.

Кристиан шагнул вперёд, и между нами не осталось расстояния. Он был выше, чем показался сначала, и шире, и от него веяло чем-то древним, не возрастом, а памятью. Воздух вокруг него дрожал, как над раскалённым камнем.

— Ты говоришь, что искала своих, — произнёс он, и каж-

дое слово падало медленно, как капля в глубокую воду. — Но скажи: если бы ты их нашла… ты бы сразу захотела уйти?

Под страхом и усталостью жило другое чувство, острое, как лезвие. Я всегда хотела верить в невозможное. Всегда хотела, чтобы сказки оказались правдой. И теперь, когда невозможное стояло передо мной и смотрело мне в лицо, я не нашла что ответить.

— Я хочу найти своих, я уже сказала, — выпалила я ему в лицо. — А остаться или нет — это моё дело!

На его лице мелькнула тень улыбки, не весёлой, а горькой. Он схватил меня за горло и поднял легко. Пальцы сомкнулись вокруг шеи и перекрыли воздух.

Я открывала рот и не могла вдохнуть. Мир сузился до его лица.

Я била его по рукам, тянула за запястья, царапала, и от каждого движения хватка становилась только крепче. В ушах звенело, перед глазами поплыли чёрные круги.

Он рассмеялся мне в лицо, низко и хрипло.

— Ты слишком дерзкая для той, кому нужна помощь, и слишком слабая для этого мира, — произнёс он без злости и без удовольствия.

И разжал руки.

Я упала на землю и вдохнула так, что обожгло лёгкие. Держалась за шею, кашляла, хрипела, а каждый вдох был как глоток огня.

Он стоял и смотрел на меня, и его силуэт был чётким, как

обрезок тьмы.

Я ухватилась за ствол и попыталась встать. Ноги дрожали, колени подкашивались, в глазах бегали чёрные искры.

Земля ушла из-под ног.

Я пошатнулась, хотела за что-то ухватиться, но пальцы поймали пустоту.

Последнее, что я увидела, было его движение: он рванулся ко мне, его рука метнулась вперёд, чтобы поймать меня в падении. А потом мир потемнел, сжался в одну точку и рассыпался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.